

Л. Ю. Иванова (Леонтьева)
Санкт-Петербург, Россия

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СМЫСЛОВЫХ ПОЗИЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ И РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

АННОТАЦИЯ. *Смысловая позиция эксплицируется в виде выражения жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления. Смысловая позиция выступает неким мировоззренческим базисом субъекта, а реализована и осмыслена она может быть только через процесс интеракции — в диалоге, в диалогических отношениях. Международные отношения как процесс взаимодействия государств предполагают наличие смысловых позиций, на основании которых каждый международный актор строит линию поведения по отношению к другим акторам. На формирование смысловой позиции международного актора влияют его цели в рамках международной политики, его стратегия, которые чаще всего прямо не артикулируются и поэтому выявлены могут быть только постфактум. Международное политическое общение в медиадискурсе представлено рядом типовых коммуникативных ситуаций с общей направленностью либо конфликтности, либо согласия, что в конкретных текстах-высказываниях проявляется через взаимодействие смысловых позиций. В этом аспекте анализируется медиадискурс, отражающий российско-германские и российско-британские отношения. На примере коммуникативных ситуаций, в которых российская сторона формулирует ответы на обвинения и упреки, выделяются тематические группы лексик, воплощающие смысловую позицию нападения в состоянии конфликтности. Анализируются и другие виды конфликтного столкновения смысловых позиций (например, высмеивание иной позиции). Унисон смысловых позиций в медиатекстах о международных отношениях наблюдается в моменты, когда экстралингвистические факторы взаимодействия описываются в терминах кооперации, сотрудничества, что требует обращения к концепту «свой — чужой».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; политический дискурс; российско-германские отношения; российско-британские отношения; международные отношения; политические конфликты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова (Леонтьева) Любовь Юрьевна, старший преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета; 199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В. о., д. 26, ауд. 703; e-mail: lyubov.leonteva@gmail.com.

**1. Смысловая позиция в речевом
взаимодействии государств, отраженном
медиадискурсом**

Международное политическое общение в тот или иной исторический этап производит набор актуальных смыслов, которые организуют речевое взаимодействие государств, обеспечивают взаимодействию соответствующие регулярность и тональность. Так, общение двух стран формирует специфичную семантическую зону в общем контексте международной политики — организуется дискурс взаимодействия, вырабатывается общая система высказываний — «дискурсивная формация» в терминологии М. Фуко [Фуко 2012: 221]. Применительно к сфере международной политики трактовка политического дискурса формулируется как «способ вербальной коммуникации между субъектами социально-политических взаимоотношений (включающий в себя написание текстов, их прочтение и обмен ими), связанный с различными общественно-политическими контекстами» [Макарычева 2007: 19].

Опосредованность политического дискурса средствами массовой информации замечена многими исследователями (В. З. Демьянков, Г. А. Наминова, Е. И. Шейгал и др.). Политическая коммуникация чаще всего не просто реализуется посредством медиа, но «СМИ фактически являются основной средой ее существования» [Шейгал 2004: 21]. При этом журналистика не остается беспристрастным ретранслятором текстов полити-

ческого общения, но влияет и на его смысл, поскольку обслуживает интересы тех или иных политических сил. Медиадискурс существует как коммуникативный процесс, где производится обмен смыслами между аудиторией и политическими акторами [Сулина 2014: 221]. Понимаемый как «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в массмедийном пространстве» [Кожемякин 2010: 14], медиадискурс представляет собой, по замечанию Е. А. Кожемякина, преимущественно посредническую деятельность, потому что его предметом являются не столько общественно-политические процессы, сколько способы их описания, передачи знания о них, а также конвертация информации в смыслы [Там же].

Конвертация информации в смыслы в массмедийном дискурсе воплощается в том или ином журналистском речевом жанре, выбор которого зависит от интенции автора. Л. Р. Дускаева, развивая мысль М. М. Бахтина о диалогической природе речевых жанров, указывает на то, что внутрижанровое взаимодействие смысловых позиций — основа журналистских речевых жанров. В газетной публицистике гипотеза адресата (его смысловой позиции) влияет на композиционные качества текста [Дускаева 2012].

Смысловая позиция эксплицируется в виде выражения жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления [Дускаева 2012: 15]. Будучи субъективной системой координат, она выражает

оценку фактов и событий жизни в соответствии с внутрисубъектной дифференциацией по шкале «хорошо — плохо». В этом отношении смысловая позиция выступает неким мировоззренческим базисом субъекта, а реализована и осмыслена она может быть только через процесс интеракции — в диалоге, в диалогических отношениях, по мнению М. М. Бахтина, не сводимых лишь к логическим или лингвистическим, но возможных «между целыми высказываниями разных речевых субъектов» [Бахтин 1979: 296] и учитывающих внешние факторы взаимодействия — «интердискурс серии формулировок, вытекающих из различных и оторванных друг от друга высказываний, объединяемых между собой в определенные лингвистические формы (эти формы обладают взаимоцитированностью, взаимоповторяемостью, взаимопарафразированием, они противопоставляются друг другу и преобразовываются друг в друга)» [Куртин 1999: 99].

Международные отношения как процесс взаимодействия государств предполагают наличие смысловых позиций, на основании которых каждый международный актор строит линию поведения по отношению к другим акторам. На формирование смысловой позиции международного актора влияют его цели в рамках международной политики, его стратегия, которые чаще всего прямо не артикулируются и поэтому выявлены могут быть только постфактум — «с точки зрения поведения субъекта, т. е. с точки зрения анализа последствий его поступков, а не мыслей и декларируемых намерений» [Цыганков 2004: 255]. Однако в краткосрочной перспективе, не предполагающей обнаружения скрытых интенций государственной политики, выявление особенностей речевых характеристик взаимодействия смысловых позиций в пределах медиадискурса, ретранслирующего смысловые позиции государств, представляется полезным в современных условиях нарастания конфликтности межнационального общения.

2. Конфликтное взаимодействие смысловых позиций России и Германии, России (СССР) и Великобритании в рамках медиадискурса

В современных российских СМИ особое внимание уделяется отражению общения России с Великобританией и Германией, история взаимодействия с которыми у нашей страны знает примеры как плодотворного сотрудничества, так и грозного противостояния. Взаимодействие с этими странами в медиадискурсе представлено

через ряд типовых коммуникативных ситуаций, в которых смысловые позиции могут либо конкурировать (на современном этапе), либо звучать в унисон (в предыдущие периоды взаимодействия) и выражать соответственно осуждение, упреки, обвинения либо одобрение, поощрение. Реализуются эти смысловые позиции «по диагонали», т. е. в неисчисляемом количестве текстовых высказываний, и основываются при этом, по выражению Ж.-Ж. Куртина, на уже существующих высказываниях-«преконструктах», на пресуппозициональном знании [Куртин 1999: 99]. По нашим наблюдениям, смысловая позиция того или иного государства, эксплицированная в медиадискурсе, обладает таким качеством, как ригидность, т. е. она с малой долей вероятности способна вбирать в себя новые смыслы и значения, оценивая события на основе стереотипов-«преконструктов».

Конфликтные, или диссонирующие, смысловые позиции взаимодействуют в конкретных текстах-высказываниях, где автор-журналист, становясь на защиту одной из позиций, воспринимает смысловую позицию противника элементом общей гипотезы об адресате (по Л. Р. Дускаевой), при этом учитывает ее как мнение «второго» лица в содержательной и речевой структуре речевого жанра, в котором выполнен его материал. Так принципиальная диалогичность журналистских речевых жанров усложняется еще одним диалогом — диалогом смысловых позиций, выработанных государствами в условиях международного общения. На современном этапе диссонирующие смысловые позиции оказываются в таких коммуникативных ситуациях, представленных в русскоязычном медиадискурсе, в которых российская сторона формулирует ответы на обвинения и упреки, выраженные британской и германской смысловыми позициями.

Смысловая позиция нападения в состоянии конфликтности воплощается в медиадискурсе с помощью лексики соответствующей семантики; отмечены следующие варианты:

1) **обвинение:** *Министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон обвинил Россию в затягивании войны в Сирии* (Лента.ру. 25.09.2016);

2) **угроза/требование:** *Дэвид Кэмерон пригрозил России „существенными санкциями“* (Регнум. 23.02.2015);

3) **сообщение о мерах:** *Россию в качестве наказания надо лишить крупных международных турниров; Британский союз биатлонистов объявил о бойкоте этапа Кубка мира в Тюмени* (Газета.ру. 21.12.2016);

4) **сообщение о смене/укреплении позиции:** *Ангела Меркель (Angela Merkel) вчера объявила, что в случае ее избрания канцлером на сентябрьских выборах займет „критическую“ позицию в отношении президента России Владимира Путина* (ИноСМИ. 15.07.2005);

5) **провокация:** *Глава МИД Великобритании Борис Джонсон хотел бы видеть демонстрации у стен российского посольства в ответ на действия Москвы в Сирии* (ТАСС. 11.10.2016).

Смысловая позиция ответа на обвинения и нападения в ситуации конфликтности эксплицируется в медиадискурсе с помощью лексики соответствующей семантики; отмечены следующие варианты:

1) **отрицание справедливости обвинения:** *„Британскому военному министру, прежде чем пускаться в маловероятные рассуждения о якобы ответственности России за ситуацию в Сирии и, в частности, в Алеппо, необходимо задуматься, а что же сделано самой Великобританией в этой несчастной стране?“ — заявил Конашенков* (РИА-Новости. 10.10.2016);

2) **отрицание обоснованности требования/угрозы:** *По этому поводу необходимо подчеркнуть, что требования о выводе так называемых иностранных войск из Донбасса не имеют никакого отношения к реальности, потому что никаких иностранных войск на территории Донбасса по определению нет* (Лента.ру. 27.06.2016);

3) **сообщение об ответных мерах:** *Разумеется, любые планы по приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам приводят к ответным шагам с тем, чтобы восстановить необходимый паритет* (РГ. 08.10.2015);

4) **сообщение о реакции на смену/укрепление позиции:** *„Мэй предложила США „вовлечь Путина во взаимодействие, но быть начеку“. Прежде Лондон открыто призывал к вражде. Осторожный сдвиг в позиции“, — написал Пушков на своей страничке в Twitter* (Известия. 27.01.2017);

5) **высмеивание:** *Все верно, кроме двух слов: вместо „Россия“ нужно поставить „Великобритания“, а вместо „Сирия“ — „Ирак“* (Лента.ру. 25.09.2016); *„Видимо, Борис Джонсон перешел от слов к делу и применил оружие, которым грозил России, — стыд“, — написала официальный представитель российского дипведомства. — „Нам действительно за него стыдно“* (ТАСС. 11.10.2016).

Взаимодействие этих смысловых позиций можно рассмотреть через сцепления журналистских речевых жанров. Например,

сегодня речевая реализация взаимодействия смысловых позиций России и Германии, имеющих длительную историю отношений, демонстрирует определенный градус конфликтности. Конфликтность проявляется на текстовом уровне в использовании конфликтной лексики (военной метафоры, навешивания ярлыков, формулировки претензий и взаимных упреков). Так, в журналистских материалах, выполненных в речевом жанре «Предложение к решению проблемы» (классификация по Л. Р. Дускаевой) и представляющих противоположные — российскую («Германия и Россия: снова враги или все-таки друзья» — РИА «Новости». 20.05.2016) и германскую («Санкции против России, немедленно!» — «ИноСМИ». 16.12.2016) — смысловые позиции, диалогическая семантика пропитывается семантикой конфликтности, иллюкативность проявляется побуждением к противостоянию, эмоциональностью, тревогой, возмущением, иногда даже гневом, который насыщен семантикой противостояния [см. подр.: Ivanova 2017]. В этих текстах были задействованы большинство упомянутых вариантов конфликтного речевого взаимодействия в рамках медиадискурса (напр., обвинение — отрицание обвинения, угроза — отрицание обоснованности угроз и т. д.).

Появление в политическом дискурсе высказываний и мнений об оппонентах способно провоцировать ответные реплики в пределах медиадискурса. В таком случае в журналистском тексте взаимодействуют не только смысловые позиции, представляющие собой обобщенное восприятие ситуации и ее участников, но и конкретные высказывания политиков. «Диалогические обертонны» (по М. М. Бахтину) в этом случае наполняют ответное — реагирующее — высказывание: реплика-реакция вынуждена цитировать оппонента, надстраивать противоречивые высказывания модусными словами, выражающими несогласие. Одним из примеров такого конфликтного взаимодействия смысловых позиций в российском медиадискурсе выступает отражение опосредованного средствами массовой информации диалога, в котором руководитель английской службы контрразведки МИ-5 Эндрю Паркер квалифицирует Россию как угрозу («Глава МИ5 заявил, что Россия представляет „усиливающуюся угрозу“ Британии» — «ИноСМИ». 01.11.2016), а в ответных репликах российские политики, чью речь цитируют СМИ, отвергают обвинения либо высмеивают позицию выступавшего («Песков назвал голословными заявления главы МИ-5 об исходящей от России угрозе» (Interfax.ru.

01.11.2016) и «МИД РФ отнесся с иронией к словам шефа МИ-5 о российской угрозе» — Interfax.ru. 02.11.2016). В данном примере взаимодействие смысловых позиций обладает характеристиками непосредственного конфликтного диалогического общения. Иницирующая реплика британского служащего насыщена модально-речевыми маркерами угрозы, речевыми средствами иллокутивной категории обвинения (*угроза, опасность, тайные действия, агрессивные способы, пропаганда, шпионаж, подрывные действия, кибератаки, киберугрозы*).

В медиaprостранстве данное интервью выполняет функцию стимулирования ответа, ожидаемого от обвиняемого субъекта, или, в терминах коммуникативистики, это реплика-стимул, провоцирующая реплику-реакцию. Конфликтный способ стимулирования ставит второго участника общения — респонсора — в позицию выбора ответного речевого поведения. О диалогическом взаимодействии смысловых позиций свидетельствуют предикаты с семантикой несогласия в заметке «Интерфакса»: *не можем с ними согласиться, не сможем принимать эти голословные заявления во внимание*. Иллокутивная категория несогласия пронизывает весь текст, описывающий речевую реакцию пресс-секретаря президента, и реализуется не только указанными глагольными формами, но и другими модусными словами — прилагательными (*голословный, необоснованный*), причастиями (*не соответствующий действительности*), существительными (*доказательства*), предложениями со значением противопоставления (*в отличие от*). Характеристика собственных действий производится с использованием мелиоративной лексики (*отстаивание своих интересов за рубежом, продвижение своих интересов, принципы взаимовыгодных отношений, выстраивание добрых и взаимовыгодных отношений*), а также посредством подчеркивания соответствия норме: *возможности, предоставленные нормами международного права*.

Высмеивание иной позиции — еще один вид конфликтного столкновения смысловых позиций, образец которого видим во втором из упомянутых материалов агентства «Интерфакс». Высказывание-реакция сотрудника российского внешнеполитического ведомства в ответ на провокативную реплику британского госслужащего демонстрирует сразу несколько приемов для построения иронии, что и ретранслирует журналист: а) применение цитации для реализации контрастивного отрицания — цитата как выражение иной смысловой позиции готовит к восприятию собственной (*использование Москвой всего*

модельного ряда для продвижения своей внешней политики, угрожающей стабильности его страны); б) соположение процитированной и собственной фразы, вызывающее эффект комизма, суть которого в насмешливом причислении к «модельному ряду» орудий в «руках Кремля» того факта, что на пост министра иностранных дел Великобритании назначен не последовательный политик Борис Джонсон; в) подчеркивание субъективного отношения к ситуации (*я ответила, у меня есть*); г) использование номинаций и выражений, характерных для речи оппонента — «Москва», «дело рук Кремля».

На данном этапе в медиадискурсе международных отношений России с Германией и Великобританией преобладает конфликтность. Исследованный материал показывает, что смысловые позиции западных стран противопоставляются российской смысловой позиции по ключевым политическим вопросам. В медиадискурсе это реализуется в использовании соответствующей лексики, в конструктивных качествах медиатекстов.

Неконфликтное общение стран имело место в предыдущие исторические периоды.

3. Унисон смысловых позиций России и Германии, России (СССР) и Великобритании в рамках медиадискурса

Унисон смысловых позиций в медиатекстах о международных отношениях наблюдается в моменты, когда экстралингвистические факторы взаимодействия описываются в терминах кооперации, сотрудничества — «такого процесса взаимодействия двух или нескольких акторов, в котором исключается применение вооруженного насилия и доминируют совместные поиски реализации общих интересов» [Цыганков 2004: 440]. В медиадискурсе принадлежность акторов к той или иной кооперации обнаруживается через противопоставление иной кооперации. Так, в конце 1980-х гг. в британском медиадискурсе частотным было обозначение приверженности к Североатлантическому союзу, выраженное притяжательными конструкциями: «*America's ally*», «*Reagan's friend*», «*NATO country*». В то же время в советском медиaprостранстве принадлежность к соцлагерю обозначается описательными конструкциями с использованием эмоционально-оценочной книжной лексики: «*братская дружба с нашими ближайшими соратниками и союзниками*», «*страны великого социалистического сотрудничества*», «*наша Родина и ее союзники*». Через принадлежность к военно-политическим блокам государства выражают свои смысло-

вые позиции. Нахождение Англии в НАТО обязывало придерживаться принятых ею проамериканских традиций, а Советский Союз, в свою очередь, разрабатывал идеологическую основу для своего военного блока. Здесь неизбежно противопоставление одного лагеря другому.

Следовательно, кооперативность в медиадискурсе задействует базовую оппозицию политической идеологии «друг/враг». Она осуществляется как объединение усилий во избежание внешней угрозы. В коммуникации эта оппозиция реализуется через концепт «свой — чужой». Как известно, концепт — важная составляющая политического дискурса, представляющая, по определению Ю. С. Степанова, «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001: 43]. Е. И. Шейгал концептом называет «ментальную репрезентацию культурно значимого феномена в массовом сознании», которая фиксируется в лексикографических толкованиях имени концепта, синонимических связях, образных переосмыслениях, ассоциативных реакциях [Шейгал 2004: 70].

Разграничение «своих» и «чужих» в советском медиадискурсе советско-британских отношений осуществлялось как через непосредственное имя концепта (например, «„переиграть“ другую сторону и диктовать ей свои условия» — Известия. 12.03.1985), так и косвенно — с помощью контекстуальных синонимов («западные союзники» / «страны Варшавского договора»). В английском медиадискурсе конца 1980-х гг. в отношениях с СССР дифференциация «свой — чужой» основывается на противопоставлении по принципу «отсутствия восточности», что является определяющей чертой «„европейских“ идентичностей» [Морозов 2006], и в текстах реализуется через контекстные противопоставления: «Moscow will not get as much money as it needs from the West», «A spiralling deterioration in East-West relations would follow» (Times. 12.06.1991).

В диалоге смысловых позиций, реализуемом в текстах о международных отношениях, согласие, унисон демонстрируются в высказываниях с семантикой согласия либо одобрения — в жанре **предложения, комплимента, одобрения** в контексте позитивного, сдержанного, компромиссного или отстраненного типа диалогического взаимодействия. Медиадискурс международных отношений России и Германии в 2001 г., описывающий позитивное взаимодействие смысловых позиций, демонстрировал такие примеры: президент **предложил** под эгидой форума проводить „круглые столы“, **вы-**

сказался за развитие сотрудничества с Германией, канцлер выразил уверенность, что „Петербургский диалог“, который будет проходить ежегодно, займет свое постоянное место в российско-германских отношениях (РБК. 09.04.2001). Как видим, заявления политиков со значением адресованности содержат предикаты и предикативные конструкции, несущие положительные коннотации.

Гармоничный межгосударственный диалог, диалог-согласие, возможен, как указывалось выше, при соответствующих внешних факторах — совпадении интересов у акторов либо при ожидании выгоды. Как нам видится, на фоне серьезных политических изменений в 1985—1991 гг., в период перестройки, смысловые позиции Великобритании и СССР претерпевают изменения и в какой-то мере преодолевают свою ригидность. Действительно, одобрительные реплики-реакции в британском медиадискурсе возникают на основе фиксации собственных политических выгод или надежд на них. Положительно-оценочная лексика появляется в английском газетном дискурсе в начале 1990-х: *there is a chance that a free and democratic Russia may take its place alongside the other free democracies of Europe; A free and democratic Russia would, however, be a prize of incalculable value, not just to the Russians themselves, but to the whole of Europe and indeed to the whole world; It must be in the interests of the West to encourage those Russians who are now struggling* (Independent. 25.01.1990).

Реплики-реакции в процессе смыслового речевого взаимодействия в советском медиадискурсе того же времени производятся в тональности согласия: **Мы приветствуем такое развитие советско-британских отношений** (Советская Россия. 07.04.1989). Согласие и стремление к кооперации могут проявляться на текстовом уровне в корректировке наполняемости концепта «свой — чужой». Примечательно, что в советском медиадискурсе в конце 1980-х гг. в материалах об Англии и советско-британских отношениях «чужой» (противник) начинает обретать характеристики, окрашенные положительными коннотациями, — «конструктивный», «позитивный», даже «дружественный». В речи советского лидера М. С. Горбачева бывшие противники объединяются в «мы», прежде используемое в советской газете только в отношении соотечественников или идеологических сторонников: «...мы можем быть рядом друг с другом, раз есть взаимопонимание, доверие и когда хорошая атмосфера в отношениях между

нами... Мы ценим диалог с Великобританией, с ее правительством, с госпожой Тэтчер... Сегодня мы и смогли в конструктивном плане рассмотреть различные вопросы мировой политики» (Советская Россия. 07.04.1989). В этих фрагментах мы выступает в значении субъекта возможных и желательных совместных действий бывших противников, что трактуется нами как стремление к согласию, кооперации.

4. Выводы

Международное политическое общение в медиадискурсе представлено рядом типовых коммуникативных ситуаций с общей направленностью либо конфликтности, либо согласия, что в конкретных текстах-высказываниях проявляется через взаимодействие смысловых позиций. Смысловая позиция как отношение к фактам, событиям, персонажам и ситуациям нединамична, в ней проявляются основные мировоззренческие подходы обобщенного (в международном масштабе) субъекта к действительности, и фиксируется она на речевом уровне — в диалоге. Смысловая позиция, обнаруживаемая только в интеракции, т. е. через взаимодействие с иной смысловой позицией, вербализует актуальные интенции международного субъекта, которые, однако, могут не совпадать с общей стратегией государства в международной политике. Медиадискурс демонстрирует в конкретных текстах-высказываниях противопоставление как обобщенных субъектов-стран и их смысловых позиций, так и конфликтное речевое взаимодействие отдельных представителей — носителей и за-

щитников идеологии своих государств, выражающих свою принадлежность вербально. Унисон смысловых позиций наблюдается на фоне кооперации, которая помогает дифференцировать ее участников и неучастников с помощью концепта «свой — чужой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
2. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб., 2012.
3. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 13—21.
4. Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс, 1999. С. 95—105.
5. Макарычева М. Г. Российское направление современной внешней политики США (политические проблемы и экспертно-аналитическое обеспечение) : автореф. ... дис. д-ра полит. наук : 23.00.04. — Н. Новгород, 2007.
6. Морозов В. Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1 (10), янв.-апр. URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>.
7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд. — М.: Академический проект, 2001.
8. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217—222.
9. Фуко М. Археология знания. — СПб.: Гуманитарная академия, 2012. 416 с.
10. Цыганков П. А. Теория международных отношений : учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2004.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.
12. Ivanova (Leonteva) L. Yu. Russian-German relations in the discourse of the modern Russian press: linguistic aspects // Media Linguistic : International Scientific Journal. — St. Petersburg, 2017. № 1 (16). P. 96—108.

L. Y. Ivanova (Leonteva)
St Petersburg, Russia

INTERACTION OF SEMANTIC POSITIONS IN THE INTERNATIONAL MEDIA DISCOURSE OF THE RUSSIAN-GERMAN AND RUSSIAN-BRITISH RELATIONS

ABSTRACT. *Semantic position reveals itself in the expression of one's view of life, opinion and interpretation of the fact or phenomenon. Semantic position is the basis of the person's world view; it can be expressed and comprehended during interaction or dialogue. International relations as a process of interaction of the states presuppose the presence of semantic positions, based on which every international actor chooses their behavior with the other actors. Formation of semantic position of an international actor is influenced by the goal of international policy and strategy, which are often not expressed directly, that is why they are revealed after the event. International political communication in media discourse is represented by a number of typical communicative situations with the same goal of either conflict or agreement, which is revealed in certain texts via interaction of semantic positions. From this point of view media discourse of Russian-German and Russian-British relations is analyzed. On the basis of communicative situations, in which the Russian part articulates the response on the accusations and reprimands, we single out topical groups of vocabulary that reveal the semantic position of attack in conflict. Some other types of conflict confrontation are analyzed as well (for example, ridicule of the other view). The common features of semantic positions in media texts devoted to international relations are found when extralinguistic factors of interaction are described in terms of cooperation, partnership and the use of the concept "we – the others".*

KEYWORDS: *media discourse; mass media; media linguistics; political discourse; Russia-Germany relations; Russia-United Kingdom relations; international relations; political confrontation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova (Leonteva) Liubov Yurevna, Senior Lecturer of the Department of Speech Communication, St. Petersburg State University, Russia.*

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. — M.: Iskusstvo, 1979.
2. Duskaeva L. R. Dialogicheskaya priroda gazetnykh rachevykh zhanrov. Izd. 2-e, ispr. i dop. — SPb., 2012.
3. Kozhemyakin E. A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya // Nauch. ved. Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2010. № 2 (73). Vyp. 11. S. 13—21.
4. Kurtin Zh.-Zh. Shapka Klementisa (zamетки o pamyati i zab-

venii v politicheskom diskurse) // Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. — M. : Progress, 1999. S. 95—105.

5. Makarycheva M. G. Rossiyskoe napravlenie sovremennoy vneshney politiki SShA (politicheskie problemy i ekspertno-analiticheskoe obespechenie) : avtoref. ... dis. d-ra polit. nauk : 23.00.04. — N. Novgorod, 2007.

6. Morozov V. E. Ponyatie gosudarstvennoy identichnosti v sovremennom teoreticheskom diskurse // Mezhdunarodnye protsessy. 2006. T. 4. № 1 (10), yanv.-apr. URL: <http://www.intertrends.ru/tenth/007.htm>.

7. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. 2-e izd. — M. : Akademicheskij proekt, 2001.

8. Sulina O. V. Politicheskij mediadiskurs kak element diskur-

sivnogo prostranstva // Vestn. VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistska. 2014. № 1. S. 217—222.

9. Fuko M. Arkheologiya znaniya. — SPb. : Gumanitarnaya akademiya, 2012. 416 s.

10. Tsyankov P. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy : ucheb. posobie. — M. : Gardariki, 2004.

11. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.

12. Ivanova (Leonteva) L. Yu. Russian-German relations in the discourse of the modern Russian press: linguistic aspects // Media Linguistic : International Scientific Journal. — St. Petersburg, 2017. № 1 (16). P. 96—108.